

АБСОЛЮТНОЕ «Я»

В тебе, во мне, в Есенине

Петр Капкин

Зеркало

-ЮРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, вы сейчас здесь или больше там (в Париже. — П.К.)?

— Больше здесь. Весь август на даче проработал, а с сентября преподаю в МГУ Веданту и индуизм.

— Я слышал, вы у Глазунова в Академии живописи преподавали? — Да, а теперь вот перешел в МГУ.

— Мне кажется, вы своими работами по метафизике начинаете новый период, точнее, с вас начинается новая русская метафизика. Кроме интервью и «Судьбы бытия» есть какие-либо публикации ваших работ?

— Готовится к выходу «Сборник современной русской метафизики», ожидаю публикаций в некоторых новых философских журналах.

— А что там, во Франции, выходит что-нибудь?

— За последнее время нет, я не хочу. В основном из-за критики, поверхностной, не существенной. Вот в Германии и Австрии с этим лучше — все-таки осталась какая-то тень от бывшего философского могущества. Там по крайней мере живо интересуются литературой, и не только своей, очень большой интерес к литературе российской. Впрочем, это традиционно. В Германии вышло несколько книг. Интересовались учениками. Спрашивают: кого вы можете назвать своими учениками, Сорокин — ваш ученик? А я и не знаю, кто мои ученики. Ну раз называются моими учениками, пусть будет так. Обучение-то заочное, я же в Лиги-институте не преподаю. Называли Галкина, Дудинского, Дарка, ну последних я знаю, а Галкина не читал.

— Можно ли подвести некоторые итоги за последние четыре года со времени выхода вашей первой книжки на родине?

— Ну какие итоги? Вышло несколько книг, опубликованы романы в журналах. Пока больше всего мне понравилась книжка «Избранного», изданного «Террой». В той же «Терре» скоро отдельным изданием выйдут «Шатунь».

— Это мой самый любимый из ваших романов.

— Спасибо. А вот с критикой пока никак. Вероятно, критики по инерции никак не могут отойти от публицистики. Ничего оскорбительного в адрес критики сказать не могу — все-таки хвалят. Но глубинных проникновений не было, не было анализа, научного, философского, до сих пор определяют метод моего письма.

— А какой у вас метод?

— Ну вот. И вы туда же (смеется). Дело в том, что трудно определить в действительности, какой это литературный метод. Существует, скажем, метареализм, но я думаю, может быть, более подходит термин «мистический» или «метафизический» реализм скорее, конечно, метафизический.

— В одном из номеров «Вопросов философии» за 93-й год я прочитал вашу работу «Судьба бытия», и мне интересно, чем, по-вашему, философия отличается от метафизики.

— Ну если в двух словах, сошлюсь на Генона. По Генону, философия (западная) — это рациональное понимание мира. Метафизика же включает в себя и философию-рацио и плюс сверхрацио и включает в себя данные о невидимом мире, которые выработало человечество, к примеру, Платон, индуизм... В отличие от богословия, которое является обработкой умом откровений, основано на данных, полученных в откровениях и приспособленных под определенную доктрину, метафизика основана на данных интуитивного интеллекта и сверхчувственного опыта, ну и собственного мистического опыта и индивидуальной интуиции.

— А что вы скажете о собственных философских, метафизических изысканиях, у вас же своя оригинальная доктрина, насколько я понял, читая «Судьбу бытия»?

— Истоки этой работы берут начало с известного вам Южинского (переулок в Москве. — П.К.), где мы с Джемалем Гейдаром выработали общую метафизическую концепцию. Джемаль Гейдар ныне известный исламский фундаменталист, наши пути разошлись, а я выработал свою собственную доктрину. Если с Джемалем мы опирались на Веданту, то моя концепция в сравнении с Ведантой имеет кардинальные отличия. В Веданте абсолютное «я» одно на всех (коллективное бессмертие), у меня, в моей доктрине, каждый человек обладает абсолютным «я», собственным. У меня познание собственного «я» более фунда-

В отношении Юрия Мамлеева существует неистребимое клише: дескать, снаружи вылитый бухгалтер или старший научный сотрудник; никак не укладывается в голове, что человек с такой внешностью может писать та-а-ки-ие произведения. Вероятно, некоторые читатели его произведений до встречи с их автором представляли его огнедышащим монстром...

Но дело не в этом. Дело в том, что, идя из магазина, я столкнулся нос к носу с Юрием Витальевичем. Я пригласил писателя зайти ко мне — попить чаю. Знаменитый писатель, с утра беговший, как савраска, по дачному поселку, искал строительную бригаду для установки забора на своей даче. Мы сидели на кухне и беседовали, и дернул меня — не будь к ночи помянуто — попросить знаменитого писателя сказать пару слов для газеты.

— Для какой? — повеселел писатель.

— Для «НГ», — уверенно ляпнул я.

— Не знаю. Любят ли меня там, — оробел Юрий Витальевич.

— Любят, еще как любят, — уверил я собеседника.

Мы пили чай с рогалями и вареньем из черноплочки, которого жена наварила несметную прорву. Писатель все больше налегал на рогаляки, вареньем же манкировал. Из комнаты выглядывала жена, оробевшая знаменитого писателя, но любопытная взглянуть на него да посмотреть, останется ли ей рогаляков, до которых в нашей семье все великие охотники — и мы с женой, и кошки, и собака.

ментально, чем познание Бога, в отличие от Веданты. Мое учение касается последнего уровня абсолюта, попыткой выйти за пределы абсолюта, проникнуть за абсолютное. Отдельные попытки были в устных, эзотерических учениях, попытки выхода в нечто, что нам не дано, — определить антиреальность...

— На Южинском? Не могли бы вы немного рассказать о самом кружке?

— Об этом кружке ходит много легенд. Частично атмосфера Южинского переулка передана в моем романе «Московский гамбит». Если говорить в двух словах: внешне это были чтения, дискуссии, люди собирались два — три раза в неделю, их объединяли дружеские отношения, литература, духовные интересы. Все были связаны между собой духовными узами. Центр интересов Южинского занимали проблемы метафизики, поиски спасения в современном черном мире, во мраке, который охватил всю планету. И поиски ответа на основные религиозные вопросы, но такого ответа, который, в общем, выходил за пределы любых ортодоксий, — это был совершенно новый подход к метафизическим проблемам. Был внутренний круг, и был внешний круг, и, наконец, это была разудалая жизнь поэтов, писателей, художников — неконформистов 60-х. Начиная с Леонида Губанова, кончая не поэтами, не писателями, а просто мистическими бродягами, бродягами-философами, которых традиционно много на Руси. Это были полуродивые, полугении, например такая необыкновенная личность, как покойный Костя Пучков. Таким образом, это был до известной степени возврат к устному общению, какое существовало в античные времена. Самое высшее общение — устное.

— Можно в глаза посмотреть.

— Да, конечно. Все эзотерические учения в древности передавались друг другу только устно. При переложении на бумагу часть тайны теряется. Это были своего рода мистерии. Правда, внешне наше общение выглядело обыкновенно: свечи, гитара, водка, чтение, дискуссии, которые не носили, конечно, академического характера, — это была спонтанная, естественная жизнь. А внешний круг у нас состоял из людей самого разного толка, но все они были абсолютно свободные люди. Пожалуй, так называемый свободный мир может показаться тюрьмой по сравнению с той свободой, которая была у нас в Южинском переулке.

— Юрий Витальевич, я знаю, что среди всех русских поэтов Есенину вы отводите особое место. С чем это связано?

— О Есенине написано очень много, но тем не менее он не раскрыт даже наполовину. У Есенина есть одно качество, которое ставит его поэзию вне всяких мировых аналогий и стандартов. Реальность этого качества доказана совершенно фантастическим и вместе с тем глубоко особым воздействи-

ем поэзии Есенина, и оно совершенно реально для большинства русских читателей. Суть искусства заключается, об этом писал еще Толстой, в том, чтобы передать некий жизненный и духовный опыт. Таким образом, искусство на высшем своем уровне совершенно непрофессиональное дело, ибо может ли быть профессией сама жизнь («профессионально» только средство передачи)? Но то, что передал нам Есенин, на своем высшем уровне входит в сферу уже эзотерическую, в ту почти невыразимую тайную сферу, где властителем является, может быть, источник нашего русского бытия или его самый тайный пласт. Итак, это — качество. Я глубоко убежден, что оно связано с тем, что поэзия Есенина вступает в соприкосновение с самым сокровенным, тайным уровнем русской души, тем уровнем, который коренным образом связывает русских с Россией и с собой. Поэзия Есенина — это контакт с сокрытием миром изначальных качеств русской души и русского бытия. Вхождение в этот мир не означает контакта с чем-то только национальным, в банальном смысле этого слова, но с чем-то космологическим и духовно глубоким вообще, но это глубинное является одновременно тождественным национальному так, что между ними практически нет разницы. Это означает, что Есенин, писавший почти исключительно только о России, является одновременно и наряду, например, с Блоком мировым поэтом, но таким образом, что это мировое не выражается через национальное, а полностью идентично ему. Это введение в новый невидимый град Китеж, в град сокровенных пластов русского бытия. Вы, таким образом, входите в сокрытую сокровищницу собственной души, ибо русская душа и Россия — метафизически одно и то же. Поэтому деревенские образы Есенина имеют всемирно-русское значение: деревня как социально-бытовой космос может исчезнуть в постиндустриальную эпоху, но воздействие есенинской деревенской символики не может исчезнуть, ибо она непосредственно связана с реалиями изначальных уровней русской души.

— Как вы оцениваете роль Есенина в современном мире в связи с приближающимся юбилеем?

— Я считаю, что юбилейная дата в 95-м году должна быть превращена в подлинный национальный праздник России.

— Почему?

— Сейчас, так же как и при жизни поэта, происходит гражданский исторический слом. В то время и интеллигенция, и многие другие россияне считали, что историческая Россия погибла. Есенин отразил те глубинные переживания, которые с этим связаны. Казалось, что Русь уходила, но Есенин — со своей родиной, несмотря ни на что, — достаточно вспомнить: «Но и тогда, когда на всей планете пройдет вражда племен, исчезнет ложь и грусть, — я буду воспевать всем существом в поэте шестую часть земли с названием кратким «Русь». На самом деле произошла гибель, но не России, а коммунизма, в частности мирового интернационального коммунизма. Россия выжила, оставшись самой собой, и Великая Отечественная война это доказала. Тот же взлет патриотизма во время войны показал, что даже в обличье коммунизма Русь осталась живой. Сам юбилей Победы в 95-м имеет несомненную связь с юбилеем поэта, так как доказывает фантастическую выносливость и жизнестойкость России даже в самых тяжелых условиях. Сейчас мировые утопии не грозят человечеству, но неизбежно мир по необходимости будет многополярным. Родине Есенина, независимой России, в мире, я уверен, будет принадлежать одно из высших мест.